

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17
Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой
гражданки М.В.Григорьевой

город Санкт-Петербург

2 марта 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой,
С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой,
С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки
М.В.Григорьевой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся
неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской
Федерации оспариваемое заявительницей законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.О.Красавчиковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 2 статьи 17 ГК Российской Федерации правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью.

1.1. Конституционность приведенного законоположения оспаривает гражданка М.В.Григорьева, обратившаяся в Конституционный Суд Российской Федерации в интересах своего несовершеннолетнего сына.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, решением Котласского городского суда Архангельской области от 7 июня 2021 года в пользу сына М.В.Григорьевой, родившегося 12 апреля 2015 года, взыскана компенсация морального вреда в связи со смертью его отца, наступившей до его рождения – 17 марта того же года в результате случившегося 5 марта дорожно-транспортного происшествия. Суд, руководствуясь требованиями разумности и справедливости, при определении размера компенсации учел обстоятельства, свидетельствующие о причинении сыну потерпевшего нравственных страданий (ребенок лишился возможности общения с отцом, его заботы), – индивидуальные особенности ребенка, включая возраст, а также фактические обстоятельства, при которых был причинен вред, и тот факт, что в соответствии со вступившими ранее в силу решениями суда с виновника аварии в пользу старшего сына потерпевшего, его супруги, отца и брата взыскана компенсация морального вреда в размере 200 000 руб. каждому из них.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 7 октября 2021 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 февраля 2022 года, решение суда первой инстанции отменено, в иске отказано. При этом суды указали на

отсутствие достаточных оснований для удовлетворения заявленного требования, поскольку к моменту смерти отца ребенок еще не родился, правоспособностью не обладал, а гибель отца не могла вызвать физические и нравственные страдания у неродившегося ребенка. Кроме того, как отметил суд кассационной инстанции, не представлено доказательств причинения несовершеннолетнему физических и нравственных страданий, связанных со смертью отца. В передаче кассационной жалобы на определения судов апелляционной и кассационной инстанций для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи этого суда от 7 июня 2022 года.

1.2. По мнению заявительницы, оспариваемая норма противоречит статьям 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1), 55 (части 2 и 3) и 67¹ (часть 4) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она не позволяет не родившемуся к моменту смерти отца ребенку взыскать с виновного лица компенсацию морального вреда, причиненного смертью родителя.

Таким образом, с учетом статей 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является пункт 2 статьи 17 ГК Российской Федерации в той мере, в какой он в системе действующего правового регулирования служит основанием для решения вопроса о возможности компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти отца.

2. Согласно Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 38 (части 1 и 2) и 67¹ (часть 4), в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, материнство и детство, семья находятся под защитой государства, забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей, дети являются важнейшим приоритетом государственной политики.

Провозглашая в статье 2 человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод – не подлежащих, согласно ее статье 55 (часть 3), ограничению иначе как федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, – обязанностью государства, Конституция Российской Федерации в статье 17 (часть 2) устанавливает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

В силу этого предписания статьи 17 (часть 2) Конституции Российской Федерации момент возникновения основных прав совпадает с моментом рождения человека, что отражает представление о его основных правах и свободах как о естественных и необходимость признания объективных свойств личности в качестве непосредственно обеспечивающих гарантии таких фундаментальных ценностей, которые находятся под охраной закона и к которым относятся жизнь человека, его достоинство, свобода и личная неприкосновенность, частная собственность, возможность участвовать в управлении делами государства, свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и др.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации в пункте 1 статьи 17 признает в равной мере за всеми гражданами способность иметь гражданские права и нести обязанности – гражданскую правоспособность. В силу прямого указания пункта 2 этой статьи гражданская правоспособность возникает с момента рождения, но понятия «рождение» данный Кодекс не раскрывает.

Моментом рождения ребенка, согласно статье 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», является момент отделения плода от

организма матери посредством родов; при рождении живого ребенка медицинская организация, в которой произошли роды, выдает документ установленной формы; медицинские критерии рождения, в том числе сроки беременности, масса тела ребенка при рождении и признаки живорождения, а также порядок выдачи документа о рождении и его форма утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. В настоящее время медицинские критерии рождения утверждены приказом Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 года № 1687н.

Следовательно, для возникновения у физического лица правоспособности с момента рождения оно должно родиться живым, что определяется медицинскими, а не юридическими критериями. Однако медицинские критерии, по которым устанавливается рождение живого ребенка, имеют важное правовое значение: если ребенок родился живым, но умер, то правоспособность у него возникла, а если родился мертвым, то правоспособность не возникает.

Тем самым положение пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации, согласно которому правоспособность гражданина возникает в момент его рождения, может быть истолковано исключительно в соответствии с его буквальным смыслом, что не предполагает ни отступления от его содержания, ни поиска вариантов в выявлении и придании ему какого-либо иного смысла, отличного от сложившегося в российской правовой системе.

4. Возникновение правоспособности в момент рождения не означает фактического получения того или иного конкретного (субъективного) права или обязанности, которые гражданин может иметь в соответствии с действующим законодательством.

Так, согласно статье 18 ГК Российской Федерации, раскрывающей содержание правоспособности, граждане могут иметь имущество на праве собственности, наследовать его и завещать, заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью, создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами, совершать любые не

противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах, избирать место жительства, иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности, иметь иные имущественные и личные неимущественные права. В силу пунктов 1 и 3 статьи 22 этого Кодекса никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе как в случаях и в порядке, которые установлены законом, а полный или частичный отказ гражданина от правоспособности или дееспособности и другие сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законом. Как следует из пункта 1 его статьи 21, способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т.е. по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Приведенные нормы конкретизируются в законодательных актах применительно к различным ситуациям, в том числе в связи с особенностями осуществления гражданами отдельных видов прав, составляющих содержание правоспособности. В частности, возможность реализации ими своих прав может быть обусловлена, в числе прочего, достижением определенного возраста – исходя из представлений о том, насколько лицо адекватно оценивает действительность при наличии (или отсутствии) у него жизненного опыта, способно к формированию воли и к волеизъявлению, понимает значение своих действий и т.п. Так, за малолетних все сделки от их имени совершают их законные представители, а от шести до четырнадцати лет у ребенка появляется частичная дееспособность, т.е. способность самостоятельно реализовать отдельные возможности, которые входят в содержание правоспособности (статья 28 этого Кодекса) и расширяются по достижении им четырнадцати лет (статья 26 этого Кодекса).

Кроме того, законодателем закреплены особенности правового регулирования в отношении таких элементов правоспособности, как

наследование и завещание имущества. Граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства, могут призываться к наследованию (пункт 1 статьи 1116 этого Кодекса). При наличии зачатого, но еще не родившегося наследника раздел наследства может быть осуществлен только после рождения такого наследника (статья 1166 этого Кодекса). Однако завещание может быть совершено только гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме, причем только лично, поскольку совершение завещания через представителя не допускается (пункты 2 и 3 статьи 1118 этого Кодекса), т.е. с момента рождения возможность завещать имущество не может быть восполнена действиями других лиц.

Соответственно, положение пункта 2 статьи 17 этого Кодекса о возникновении правоспособности в момент рождения не предрешает, какие именно субъективные права возникают на основе правоспособности как предпосылки правообладания, приобретенной в момент рождения. Создавая базовую возможность обладать конкретными, определенными по содержанию правами, правоспособность остается открытой для наполнения ее всеми предусмотренными законом элементами (статья 18 этого Кодекса), основанными на нормах Конституции Российской Федерации (статьи 17, 20–24, 27, 30, 34, 35, 44 и др.).

При этом правоспособность, возникающая по буквальному смыслу пункта 2 статьи 17 этого Кодекса в момент рождения, сама по себе не изменяется при реализации ее носителем того или иного субъективного права, продолжая существовать как возможность правообладания и несения юридических обязанностей, в то время как конкретное субъективное право становится реализацией одного из элементов ее содержания. Другими словами, правоспособность, приобретенная в момент рождения, продолжает существовать в качестве общей возможности иметь любые права и нести любые обязанности в рамках системы действующего права, означая лишь потенциальную возможность лица иметь субъективные юридические права и нести юридические обязанности, в том числе в рамках отношений по поводу

защиты нематериальных благ (компенсация морального вреда, защита чести, достоинства и деловой репутации, охрана изображения гражданина, охрана частной жизни и др.).

5. Основу прав и свобод человека и гражданина, действующих непосредственно, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваемых правосудием, составляет достоинство личности, которое одновременно выступает и в качестве необходимого условия существования и соблюдения этих прав и свобод; достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (статья 18; статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации). Право на охрану достоинства личности, принадлежащее каждому от рождения, воплощает в себе важнейшее социальное благо, без которого немислимо само демократическое правовое устройство страны, а потому – исходя из конституционных предписаний и требований международно-правовых актов – предполагает повышенный уровень гарантий со стороны государства и не подлежит какому-либо ограничению (статья 15, часть 4; статья 17, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации). Исходя из этого государство, руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами верховенства права и справедливости, обязано не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и способствовать максимально возможному возмещению причиненного вреда и тем самым обеспечивать эффективную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности.

Конституционный Суд Российской Федерации ранее неоднократно обращался к вопросу о конституционно-правовой природе института компенсации морального вреда в российской правовой системе (Постановление от 15 июля 2020 года № 36-П, определения от 16 октября 2001 года № 252-О, от 3 июля 2008 года № 734-О-П, от 24 января 2013 года № 125-О и др.). Как отмечено в его Постановлении от 26 октября 2021 года

№ 45-П, такая компенсация в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации является одним из способов защиты гражданских прав (статья 12), что – в свете статьи 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации – позволяет рассматривать ее как гарантированную государством меру, направленную на восстановление нарушенных прав и возмещение нематериального ущерба, причиненного вследствие их нарушения.

Общий принцип компенсации морального вреда закреплен в части первой статьи 151 ГК Российской Федерации, согласно которой, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права (жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности и др.) (абзац третий пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15

ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»).

Закрепляя в части первой статьи 151 ГК Российской Федерации общий принцип компенсации морального вреда, причиненного действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, законодатель не установил каких-либо ограничений в отношении действий, которые могут рассматриваться как основание для такой компенсации, на что Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание в том же Постановлении от 26 октября 2021 года № 45-П.

Соответственно, действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические или нравственные страдания причинены в результате утраты близкого человека, в том числе когда к моменту его смерти или наступления обстоятельств, приведших к ней, член семьи потерпевшего (его ребенок) еще не родился. Те же принципы положены в основу регулирования возмещения имущественного вреда ребенку потерпевшего (кормильца), родившемуся после его смерти (пункт 1 статьи 1088 ГК Российской Федерации). При этом согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимся в пункте 33 постановления от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», право на возмещение вреда в связи с гибелью кормильца сохраняется за несовершеннолетним в случае его последующего усыновления другим лицом (статья 138 Семейного кодекса Российской Федерации). При рассмотрении же дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего членам его семьи, иждивенцам суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий; наличие факта родственных отношений само по

себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда (пункт 32 названного постановления).

6. Установленный действующим законодательством механизм защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ, предоставляя гражданам возможность самостоятельно выбирать адекватные способы судебной защиты, не освобождает их, по общему правилу, от бремени доказывания самого факта причинения морального вреда и от обоснования размера денежной компенсации. Однако, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 26 октября 2021 года № 45-П, обстоятельства дела могут свидетельствовать о причинении гражданину физических или нравственных страданий действиями, которые явным образом нарушают его личные неимущественные права либо посягают на принадлежащие ему нематериальные блага. Эта позиция в полной мере применима в конкретной жизненной ситуации, обусловленной смертью одного из родителей, когда факт причинения морального вреда ребенку во всяком случае должен предполагаться, в том числе если на момент смерти отца ребенок еще не родился. Иной подход к вопросу о компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти отца, не только снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности прав таких детей, предопределяемый сложившимся в правовом государстве конституционным правопорядком, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, призванного обеспечить эффективную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь – самого человека, его прав и свобод, а также достоинства личности), необоснованные препятствия для применения гарантий реализации прав детей на особую заботу и помощь, принципов приоритета их интересов и благосостояния во всех сферах жизни, что не отвечало бы требованиям справедливости и не согласовывалось бы со статьями 2, 7 (часть 2), 21 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 56 (часть 3) и 67¹ (часть 4) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, положение пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации о возникновении правоспособности гражданина в момент рождения не предполагает его применения в качестве основания для отказа в реализации субъективного права ребенка, родившегося после смерти отца, требовать компенсации морального вреда, связанного с нарушением его личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, принадлежащих ему от рождения или в силу закона, неотчуждаемых и непередаваемых иным способом (пункт 1 статьи 150 ГК Российской Федерации).

7. Другое истолкование пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации означает придание ему смысла, противоречащего смыслу, вытекающему из его системной обусловленности, вопреки сути правоотношений, возникающих на основе данных законоположений. Это недопустимо с точки зрения правовой логики и ведет к ситуации, при которой умаляется юридическая и социальная значимость родственных связей между погибшим отцом и родившимся после его смерти ребенком, в том числе – в нарушение принципа юридического равенства, закрепленного в статье 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, – по сравнению с ситуацией, когда ребенок родился до смерти отца.

В то же время само по себе законоположение, которое является предметом рассмотрения по настоящему делу, основано на норме статьи 17 (часть 2) Конституции Российской Федерации о принадлежности каждому основных прав и свобод от рождения и ей не противоречит.

С учетом этого Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу, что оспариваемая норма в системе действующего правового регулирования, в частности в контексте рассматриваемого дела о компенсации морального вреда, соотносится с конституционными установлениями, которым оно должно следовать. Вместе с тем применение оспариваемой нормы должно быть скорректировано в рамках конституционно-правового истолкования, с тем чтобы полностью исключалась – при причинении морального вреда ребенку потерпевшего,

родившемуся после его смерти, – возможность нарушения прав, поставленных под защиту Конституции Российской Федерации, ее статей 2, 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 56 (часть 3) и 67¹ (часть 4).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 2 статьи 17 ГК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эта норма не предполагает ее применения в качестве основания для отказа в компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти его отца.

Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой нормы в правоприменительной практике.

2. Судебные постановления, принятые в отношении несовершеннолетнего сына Григорьевой Марии Викторовны на основании пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с конституционно-правовым смыслом этой нормы, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 7-П

Конституционный Суд
Российской Федерации